

Сегодня мы рассказываем о молодом солисте Театра оперы и балета имени С. М. Кирова, заслуженном артисте РСФСР Вадиме БУДАРИНЕ.

ОДНИМ из первых героев Бударина на сцене театра был Шурале. После партий классического репертуара — Принца из «Щелкунчика» и Актеона из «Эсмеральды», исполненных в годы учения, — неожиданно было увидеть артиста в гротесковой, острохарактерной партии. Она оказалась интересной проверкой сил. Поиски образности, стремление метко выразить характер не замедляли принести свои плоды.

Роль Базиль из «Дон Кихота» в исполнении Бударина удивляла в первую очередь отсутствием шаблонов, стереотипов, столь легко подхватываемых молодыми танцовщиками и переносимых затем из спектакля в спектакль. Базиль Бударина, словно освободившись от традиционных напластований, превратился из псевдочепанского хвата в веселого и остроумного цирюльника. Танцует он легко и уверенно, дуэты с Китри носят характер непринужденной игры, которая прерывается перебранкой с отцом возлюбленной, веселыми шутками с друзьями, заигрываньем с цветочницами. В Базиле — Бударине нет премьерской исключительности, он возникает в спектакле как человек простой, общительный, веселый.

Во всем — чувство меры, стиля, безошибочный выбор нужных красок. Выступление солиста в спектакле «Дон Кихот» показало, что он стремится не только к блестящему владению техникой, законам классического танца, но и к преодолению привычного традиционного образа классического кавалера — танцовщика. Он выступает в дуэте как равный, утверждая силу, красоту и выразительность мужского танца.

Балет «Ленинградская симфония» стал для Бударина серьезной школой мастерства — в нем возникала проблема создания образа, основой которого являлась музыка Д. Шостаковича.

Безоблачность раннего летнего утра, бескрайность просторов... Атмосфера первой картины чем-то напоминает жизнерадостные мозаики Дейнеки — спортивные, атлетические тела героев, светлые, обращенные в будущее лица, мягкая пластика движений. Юноша Бударина возникает

в окружении таких же, как и он, юношей и девушек: тот же рисунок танца, та же ритмика движений. Он выделяется среди них яркостью своей индивидуальности, напряженностью духовной жизни, свойственной человеку нашей эпохи. Академическая пластика образа несет печать глубоких раздумий человека о жизни, о действительности. Бударин доносит до зрителя многогранный мир своего героя, во всем следуя лаконичному принципу высказываний композитора. В сцене гибели Бударин достигает высокой степени обобщенности: его Юноша становится символом героического народа, одерживающего нелегкую победу над фашистскими ордами. Его победа —

она, взмывает в воздух, опоясывает сценическое пространство, затем рассекает его по диагонали и замирает у рамп, вскинув руки.

В этой вариации Фархада — Бударина — ликование молодости, радость художника, одержавшего нелегкую победу. Адажио с Ширин полно светлого мироощущения, безграничной, бесхитростной уверенности в том, что любовь растопит все преграды на пути к счастью. Бударин акцентирует в этой сцене непосредственность, искренность своего героя. Чистота, сила, бескомпромиссность и отвага юности переданы талантливым танцовщиком ярко, образно, эмоционально.

Значителен список партий, исполненных Вадимом Буда-

## И ЛИРИКА, И ГРОТЕСК

это торжество разума над мрачной лавиной варваров.

Одним из значительных достижений в творческой биографии Бударина явилась партия Фархада из «Легенды о любви» А. Меликова — Ю. Григоровича. Эту роль исполняют многие танцовщики. Для многих она остается и сегодня захватной мечтой. Мечтал об этой партии и Бударин, неподдельно приглядываясь к ней, «примеряя» трудный и прихотливый рисунок танца.

Случилось так, что образ Фархада Бударину пришлось создать, имея в распоряжении лишь двадцать репетиционных дней. Роль, основанная на серьезном драматургическом материале, решенная балетмейстером средствами эмоционального танца, обладающего глубоким подтекстом, требовала всестороннего исследования, тонкого анализа. И решающим моментом в овладении артистом многогранным образом снова оказался упорство, профессионализм, умение творчески мыслить.

...Почти закончено строительство дворца — еще несколько прикосновений кисти, и вспыхнет бирюзой прихотливый орнамент. Рисовальщик Фархад стоит на ступенях дворца, поглощенный работой. Его друзья начинают танец, острый в своем ритме, построенный на легких прыжках. Танец разгорается, его волны достигают Фархада, захватывают его, и вот он, словно пи-

риним. Ему подвластно многое: героика, гротеск, лирика. Запомнился его Черт из балета Н. Касаткиной и В. Василева «Сотворение мира» на музыку А. Петрова, где умно и тонко вылеплен каждый образ. У Бударина Черт не только символ, носитель определенной маски, но и многоплановый характер. Простоты и неудачи искренне огорчают его, досаждает он и на людей, которые с таким упрямством чужаются его. И рядом с этим острохарактерным образом — светловолосый, открытый Иван-Царевич из балета И. Стравинского — Б. Эйфмана «Жар-Птица», мужественный, подкупающе искренний герой народного сказания.

Успехи, достигнутые артистом, свидетельствуют о том, что работает он вдумчиво, сосредоточенно над каждой партией, каждым образом. Бударина называют серьезным танцовщиком. Верно: он не подведет, выручит труппу в сложный момент, откликнется на любое творческое начинание. Это бесспорно. Хотелось бы добавить, что ко всему этому Бударин — думающий актер, тонко подмечающий духовный склад героев, их человеческую сущность.

В беспрестанном поиске своего «я» в трудном искусстве танца — залог успехов Вадима Бударина, недавно получившего звание заслуженного артиста РСФСР.

И. СТУПНИКОВ